

этого „истинного и крупного поэта Пушкинской эпохи“. Выпущенный им маленький томик „неизданного Дельвига“ является ценным подарком для всех любителей русской поэзии, возбуждая в читателе желание ознакомиться с этим забытым и замечательным поэтом во всем объеме его богатого и разнообразного литературного наследия.

Л. Г.

М. Л. Гофман. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Изд. „Атеней“. Петербург 1922 г. 12^о 156 стр.

Собственно „первой главе науки о Пушкине“ в книге посвящены 48—156 страницы, первые же 47 страниц отведены „вступлению“, в котором автор говорит о том, что, несмотря на громадную литературу о Пушкине, мы его не знаем: нет биографии поэта, не изучена его поэтика, не выяснена связь его творчества ни с русской литературной традицией XVIII века, ни с непосредственными предшественниками и учителями Пушкина—Жуковским и Батюшковым, точно так же как не изучено и влияние иностранной литературы, несмотря на то, что по этому вопросу написано не мало книг и статей (напр. „о байронизме“ Пушкина); еще ждет своего изучения и поэзия пушкинской эпохи, его литературное окружение, в частности „пушкинская плеяда“, оценка которой, по мнению автора, требует коренного пересмотра.

„Без изучения поэтики“, заключает „вступление“ М. Л. Гофман, „без изучения Пушкинской эпохи, без изучения биографии и проч. и проч., не может быть научного, историко-научного изучения Пушкина, но и историко-литературное исследование, и поэтика, и биография не могут существовать без точного, канонического и полного текста сочинений Пушкина.“ (Стр. 47).

Вопросам, связанным с выработкой канонического текста Пушкина, и посвящена „первая глава науки о Пушкине“, в свою очередь разделенная на четыре части и заключение.

В первой части идет речь о недопустимости „дополнений“ законченных текстов, данных самим Пушкиным в печатном виде, взятых из черновых рукописей, каковы, например, вставка в текст „Евгения Онегина“ и „Домика в Коломне“ выпущенных поэтом строк; во второй—о компановке из редакций белой и черновой „сводного“ текста, что особенно часто делается

с лицейскими стихотворениями; третья часть посвящена „сочинению“ редакторами заглавий стихотворений и произвольному раскрытию инициалов, поставленных Пушкиным в заглавии или в посвящении; наконец, в четвертой части речь идет о „чтении“ черновигов, об „извлечениях“ из них последнего текста; доказывается необходимость изучения всех рукописей Пушкина, полного, тщательного транскрибирования их и, кроме этого, „описания“, т. к., по вполне верному утверждению М. Д. Гофмана, самая точная транскрипция еще недостаточна, и необходимо к ней давать объяснения, которые говорили бы о том, как шел процесс творчества, в какой последовательности записывались те или другие стихи и слова.

В заключение говорится о настоятельной необходимости составления полной библиографии о Пушкине и о выделении в особый отдел в собраниях сочинений поэта произведений, не дошедших до нас ни в автографах, ни в авторитетных списках. Все выдвигаемые положения убедительно иллюстрируются многочисленными примерами. Таково вкратце содержание этой, в несколько приподнятом тоне написанной, книги.

Со всем доказываемым и показываемым автором нельзя не согласиться: все это нам представляется бесспорным. Но бесспорность эта происходит из упрощения автором трактуемых им вопросов, что, может быть, произошло оттого, что книга предназначена для рядового читателя, а не для специалистов. С точки же зрения науки о Пушкине разбираемая книга скорее введение в „первую главу науки о Пушкине“, чем „первая глава“.

Дело в том, что вопрос о „каноничности“ того или другого текста вовсе не так прост, как он может показаться в изложении М. Л. Гофмана. Подводя итог всему им сказанному, автор пишет: „Теоритически принципиально—и отрецательно и положительно—вопрос об установлении основного, канонического текста сочинений Пушкина разрешается просто и вряд ли может вызвать какие-либо споры и сомнения. Совершенно несомненно, что основным текстом должен служить тот последний, заверченный и окончательный текст произведений Пушкина, который был им признан, и который был последний раз пред его глазами—в виде ли печатного издания или в виде рукописи“ (стр. 148). В том-то и дело, что это только „теоритически, принципиально“—просто, и трудность не только в том, о чем далее говорит автор (см. конец стр. 148 и далее), а в том, например, что текстами, „которые были бы признаны“

Пушкиным, строго говоря, нужно бы считать только те, последнюю авторскую корректуру коих мы имеем. Но таких корректур мы не только не имеем, но и не знаем, корректуру каких произведений правил сам Пушкин. ¹⁾

Вопроса об орфографии для М. Л. Гофмана как бы не существует, по крайней мере об этом он ничего не говорит, а между тем вопрос этот, далеко не бесспорный до введения новой орфографии 1917 ²⁾ года, теперь еще более осложнился. Мы не можем здесь входить в его рассмотрение, скажем только, что обязательного для всех собраний сочинений Пушкина „канона“ в этом отношении быть не может. Если бесспорно положение (а для нас оно бесспорно), что в „большом“ академическом издании полн. собр. соч. Пушкина тексты должны печататься в орфографии тех оригиналов, которые тексты эти воспроизводят, (что, заметим, между 1. и 2. им, дает не единую орфографию), то в изданиях неакадемического типа обязательность этого правила может быть оспариваема.

Не менее сложен и вопрос о пунктуации, тоже совершенно не затронутый М. Л. Гофманом. ³⁾

Говоря о транскрибировании и описании рукописей, автор не сказал главного: необходимо, и как можно скорее, сфотографировать все без исключения рукописи Пушкина и начать печатать фототипически эти снимки. Сделать это должны пушкинские комиссии (петербургская академическая и московская Общества Любит. Росс. Словесности).

Наконец, вопросы распределения произведений по годам, не говоря уже о распределении их внутри одного года, прямо-таки „проклятые“ вопросы пушкиноведения, тоже обойдены молчанием в „первой главе науки о Пушкине“.

Исключением из книги всего вышеуказанного, как слиш-

¹⁾ В библиотеке Пушкина имеется экземпляр III-ей и IV-ой частей „Стихотворений Пушкина“ изд. 1832 и 1835 гг., по которому поэт предполагал перепечатать эти сборники, для чего, вероятно, просмотрел текст всех произведений, исправив два стиха в „Сказке о рыбаке и рыбке“. Вот только для произведений, вошедших в эти сборники, мы имеем текст, „признанный“ Пушкиным, если допустить, что он не проглядел опечаток. См. описание библиотеки Пушкина, сделанное Б. Л. Модзалевским („Пушк. и его совр.“ в. IX—X, стр. 83).

²⁾ См. напр. стр. XIV—XV предисловия во II т. акад. изд.

³⁾ Не отметил автор и весьма обычного печатания стихотворений без разделения шпонами строф, что не является, конечно, не стоящей внимания, мелочью. В прижизненных изданиях Пушкина строфы отделяются друг от друга очень большими пробелами.

ком „академического“, может—быть и достигнута ее общедоступность, но понижено значение ее для специалистов. Признаемся, от книги М. Л. Гофмана мы ожидали большего.

Одно замечание. На стр. 115—118 доказывается, что стихотворение 1814 г. „Романс“ (Под вечер осени ненастной) не принадлежит Пушкину. Утверждение это—неверно: стихотворение несомненно Пушкина. В списке стихотворений Пушкина предназначенных для помещения в собрание изд. 1826 г., poslanном Плетневым Пушкину и последним просмотренном, о чем свидетельствуют его рукой сделанные пометы, находится и „Романс“. Если бы оно было не Пушкина, поэт, конечно, его вычеркнул бы. Этого мало: в рукописи, с которой набиралось издание 1826 г., по словам Ефремова ¹⁾, Пушкин не только зачеркнул стихотворение, но и „начал было исправлять“ текст „Романса“, чего, конечно, не стал бы делать с чужим произведением. В приводимой же М. Л. Гофманом заметке Пушкина речь идет, очевидно, не о „Романсе“, на что было уже указано Н. О. Лернером (Соч. П. под ред. Венгерова, т. I, стр. 312).

М. Цявловский.

„Последние дни императорской власти“—по неизданным документам составил Александр Блок. Алконост. Петербурь. 1921 г.

В этой небольшой книге повидимому нет ничего Блокковского, и только опытный читатель узнает в ней поэта в изысканной отчетливости выступающих фактов. Правда, у настоящего поэта (если уж он возьмется за это) факт бывает фактичнее, чем у людей, живущих в мире обыкновенного здравого смысла. Чего беспокоиться человеку здравого смысла о стенах своего домика—стоят и будут стоять. А у поэта они иногда шевелятся, и нужны очень сложные подстройки, чтобы найтись и устоять в этих шевелящихся бездушных вещах. Жить-то, в конце концов, надо, писать, получать гонорар, покупать пищу и т. д., значит, ему заботиться нужно больше, чем человеку здравого смысла, у которого вещи не шевелятся,—и факт выходит фактичнее. Помню, один такой здравосмысленник, редактор большой столичной газеты, еврей, адвокат, и за месяц до революции купил себе имение—как это странно. А Блок, бывало, еще за сколько лет до революции выступал в религиозно-

¹⁾ Собр. соч. Пушкина, изд. Исакова 1880 г., т. I, стр. 511.

ФЕНИКС

сборник художественно - литературный,
научный и философский

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗД—ВО „КОСТРЫ“—1922